

Когда Тан Юань добрался до часовой башни, где находилась Хила, в столице Бездны погасли все огни. Это означало, что наступила ночь: демоны погрузились в сон, и город утонул во тьме.

Вокруг царил тишина. Двое сидели бок о бок, безмолвно вглядываясь в бескрайние просторы этого края.

— Ты, кажется, сидишь здесь уже давно. Пришла еще днем? — голос Тан Юаня прозвучал слишком громко в этой звенящей тишине.

— Нет, с утра, — Хила не рассердилась. Она не стала упрекать его в том, что он нарушил атмосферу или помешал ее раздумьям, а просто поправила его.

— Неудивительно, что я не нашел тебя утром, — улыбнулся Тан Юань.

— Ты... так хотел меня видеть? — в глазах Хилы промелькнуло удивление, а холод на мгновение отступил. Хотя демоны Бездны уже давно не поддерживали связей с внешним миром, разве ангелы и демоны не были заклятыми врагами?

— Ты позволила бы своим подчиненным увидеть меня? — с сомнением спросил он.

— Почему нет? — Тан Юань искренне удивился тому, что Хилу вообще посетили подобные мысли.

— Не боишься, что я перебую их? — холодно спросила Хила. Она была ангелом-убийцей, разве не естественно для нее уничтожать демонов Бездны?

— Правда? А почему тогда вчера ты не убила Сайо и Скарди? Они ведь тоже демоны Бездны, — Тан Юань спокойно парировал ее слова. Хила, возможно, убила немало демонов, но она не уничтожала каждого встречного. Ее равнодушие было столь глубоким, что в ней совершенно не чувствовалось присущей ангелам праведности, из-за чего он порой забывал, кем она является на самом деле.

— ... — Хила не нашла, что ответить.

— Хила, при такой холодности, как же Бог до сих пор не признал тебя падшей? — с любопытством спросил Тан Юань.

— Не знаю, — ответила Хила.

— Что это значит? — Тан Юань оживился.

Хила посмотрела на окутанные черным туманом земли, и ее тихий голос прозвучал подобно вздоху:

— Быть может, равнодушие не входит в число семи смертных грехов. А может, Он и сам не может судить меня, потому что этот грех присущ и Ему. Причин много, но я не знаю их. Я знаю лишь одно: всякий раз после того, как я совершаю убийство, меня словно заковывают в цепи. Будь то ангел, демон или человек, сколько бы жизней я ни отняла, я всегда просыпаюсь с белоснежными крыльями. Но... — Хила помедлила, растерянно приложив руку к груди, и продолжила: — Моя вера в Бога угасает с каждым днем. Кажется, скоро она рухнет окончательно, и тогда, возможно, что-то изменится...

Даже говоря об этом, она оставалась бесстрастной. Она не искала выхода, ведь что бы ни случилось, для нее это не имело значения. Существование или небытие — лишь разные формы жизни.

— Но... я не хочу, чтобы ты менялась, Хила, — внезапно сказал Тан Юань.

— И самое важное в ответе на твой прошлый вопрос: даже вчера, в той ситуации, ты все равно не убила меня, — глядя в черное, как смоль, небо, добавил он.

— ...Ты другой, — после долгого молчания призналась Хила. Она и сама не понимала почему, но ей не хотелось ставить Тан Юаня в один ряд с остальными. Она слегка прижала пальцы к груди, прислушиваясь к странному чувству внутри.

Тан Юань откинулся назад, положив руки под голову. Его черные волосы разметались красивыми кольцами. Он закрыл глаза и тихо улыбнулся, впервые выглядя таким спокойным и умиротворенным.

— Значит, и ты это чувствуешь? Я тоже, — прошептал он.

На его прекрасном лице проступила редкая нежность. Он снова повторил:

— Да, Хила, в моем мире ты тоже особенная...

Его голос, легкий, как перышко, коснулся спокойного озера души Хилы, вызвав на нем рябь. Уголки ее губ едва заметно дрогнули, сложившись в слабую, почти невидимую улыбку, и она повторила:

— Ты другой.

Они так и остались сидеть: один лежа, другой сидя, погруженные в ночную тишину. Их ауры гармонично слились воедино, и никто не посмел бы потревожить этот покой.

Спустя долгое время Хила услышала ровное дыхание соседа. Сначала она удивилась, но тут же вспомнила, что демоны Бездны тоже могут заболеть, и будет лучше, если он поспит в постели. Она осторожно подняла его, стараясь двигаться как можно мягче, чтобы не разбудить.

Тан Юань почувствовал движение Хилы, но не открыл глаз, а лишь потерся щекой о ее плечо, словно ласковый зверь.

Хила нежно посмотрела на него. Она даже не заметила, как на ее лице расцвела улыбка такой глубины, что в ней можно было утонуть. В этот миг весь лед в ее душе растаял.

Две тени, наблюдавшие за ними из угла, замерли в немом оцепенении.

Сайо, у которого целый день болел живот и который выбрался наружу в поисках еды, чувствовал себя совершенно опустошенным. Ему казалось, что мимо него пронеслось стадо диких зверей, оставив на его лице лишь отпечатки копыт. На душе было так тоскливо, что хотелось перестать чувствовать вообще.

Скарди, следовавший за Сайо, чтобы предпринять вторую попытку отравления, в глубине души негодовал: неужели посреди ночи обязательно было так демонстративно проявлять чувства?

В тусклом свете ламп красивый юноша с холодным выражением лица смотрел на дряхлого старика, который уже одной ногой стоял в могиле.

Старик, чьи сухие, похожие на коряги пальцы напоминали кости, намертво вцепился в руку юноши. Его мутные глаза жадно вглядывались в лицо парня, и он дрожащим голосом спросил:

— Ты... ты достал эту вещь?

Юноша промолчал.

Старик с безумным криком набросился на него, пытаясь обыскать карманы:

— Отдай! Скорее отдай мне!

Юноша отшвырнул его ногой, и старик с грохотом ударился о стол.

Прижав руку к груди, старик зашелся в мучительном кашле. Прошло немало времени, прежде чем он смог перевести дыхание. Его легкие, словно дырявые мехи, издавали свистящие звуки. С искаженным лицом он прохрипел:

— Филь, если я умру, тебе тоже не жить!

Филь холодно посмотрел на этого не понимающего ситуации старика и произнес:

— Он вернулся.

Старик мгновенно застыл, а затем издал испуганный вопль:

— Это невозможно! Этого не может быть! Кх-кх-кх... — от перевозбуждения открылась рана, и он снова зашелся в приступе кашля.

Филь равнодушно ответил:

— Нет ничего невозможного. Он даже убил того дурака Басара.

Он посмотрел на старика и спокойно объявил:

— Джонк, нам нужно пересмотреть наш план.

<http://bllate.org/book/18897/1847434>